

ПОНЯТИЕ «НАСИЛИЕ»: НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО СМЫСЛА

В статье рассматривается одна из важнейших и дискутируемых тем современной политической теории – проблема насилия. Автор подвергает критике как расширительное толкование насилия (насилие – это преодоление трудностей), так и узкое толкование его (насилие – это физическое принуждение) и предлагает осмысление названного феномена через призму принуждения как отражающего специфику власти и властных отношений.

Насилие – это одна из важнейших тем политологии, вызывающая к себе большой интерес исследователей. Данное обстоятельство выступает отражением процессов, связанных с пространственностью названного явления в современной действительности. Вот почему так важен концептуальный анализ и осмысление проблемы насилия как в теоретическом, так и в практически-политическом аспектах.

Заняв одно из наиболее важных и достойных мест в корпусе проблем политической науки, сформулированная тема тем не менее не может считаться достаточно разработанной. Чего стоит хотя бы терминологическая аморфность употребления понятия «насилие», неоднозначность его экспликации. Недостаточная исследованность когнитивных аспектов свидетельствует, по мнению одного из крупнейших современных политологов Ханны Арендт, не столько «об известной языковой невосприимчивости, сколько ведет к определенной слепоте в плане объяснения той реальности, которая стоит за данным термином» [1, с. 321]. Разноречивость мнений и суждений о названной проблеме привела некоторых исследователей, в частности названную нами Арендт, к выводу о невозможности решения ее и парадоксальному заключению о том, что «политической теории нечего сказать о насилии» и что необходимо оставить эту тему «техникам политики» [2, р. 9]. Впрочем, признание этого обстоятельства не помешало немецко-американскому политологу написать одно из самых интересных и значительных в XX в. исследований по теме насилия.

По всей видимости, теоретический поиск должен осуществляться по линии определения ближайшего рода предметов, к которому относится интересующий нас предмет, и выявления на основе этого его специфических видовых отличий. Рассматриваемая в данном контексте проблема вырисовывает контуры двоякого рода подходов.

Прежде всего насилие соотносится с физической силой, использованием физического, телесного воздействия с целью подчинения дру-

гого своей воле. Так, в универсальном Оксфордском словаре насилие определяется как «использование физической силы для нанесения телесных повреждений или разрушения...» [3, р. 2359]. Английский философ Дж. Кин подчеркивает, «что насилие лучше понимать как нежелательное физическое воздействие групп (людей) и / или индивидов на тела других, которые при этом претерпевают ряд следствий, варьирующихся от шока, синяков, царапин... до увечий и даже смерти. Насилие – акт, выражающий отношение, в котором объект насилия недобровольно третируется не в качестве субъекта, «инаковость» которого признана и уважаема, а как всего лишь предмет, потенциально заслуживающий того, чтобы ему нанесли урон или даже его ликвидировали» [4, р. 67]. Крупнейший отечественный специалист в области этики А.А. Гусейнов подчеркивает: «Насилие имеет место в пространстве свободных и сознательных действий индивидов. Оно характеризует такие отношения между ними, когда одни индивиды или группы людей путем физического принуждения, вплоть до угрозы убийства и убийства, навязывают свою волю другим» [5, с. 19].

В представленных определениях предполагается, что насилие – это прежде всего физическое принуждение и в этом качестве по своим механизмам, объекту, инструментам существенно отличается от других форм принуждения, ибо исходит из того, что непосредственной целью воздействия на человека является его телесная оболочка. При этом предполагается не только специфика объекта принуждения, но и способов, с помощью которых это принуждение осуществляется, использование субъектом насилия физических ресурсов: мышц, мускулов, а также орудий (подручных средств, огнестрельного оружия, отравляющих веществ), которые придают подобному воздействию большую эффективность.

Приведенные высказывания не просто сужают содержательный смысл понятия «насилие», но во многом упрощают его. Признавая то обстоятельство, что прямым и весьма очевидным проявлением насилия с внешней сто-

роны и обиденной точки зрения являются телесные повреждения и даже физическая смерть, полагаем, что сведение насилия только к применению физической силы ограничено по своей сущности и необходимо нуждается в дополнительных разъяснениях и комментариях.

В интерпретациях сторонников «физического» подхода к насилию прослеживается следующая аргументация.

Во-первых, это интерпретация насилия как понятия, свободного от какой-либо нормативной нагрузки. Так, А.В. Залысин и И.Ю. Дмитриев, сторонники названного теоретического направления, напрямую увязывают возможность толкования насилия с независимостью от аксиологических оценок и суждений [6, с. 26]. Впрочем, интенция к достижению истины за счет освобождения от нормативной аргументации не проводится авторами последовательно. И дело не только в том, что Залысин и Дмитриев склонны приближать физическое принуждение к принудительному ограничению свободы индивидов. А свобода в исходной интерпретации есть нормативное понятие, отсылающее к должному, целевому, смысловому основанию политической жизни. Вызывает сомнение другое, а именно стремление авторов отделить политическую науку в целом от ценностных аспектов под предлогом того, что «политическая наука в отличие от этики не придает чрезмерного значения оценочному анализу и наличие ценностных компонентов мешает объективности научных исследований» [6, с. 26]. Между тем наличие в политической науке понятий, относительно которых возможны ценностные суждения и этические оценки, когда уместны суждения о нравственно-этическом качестве политических явлений, о долге, ответственности, справедливости, свободе, считается общепризнанным фактом. В данном случае мы отвлекаемся от выяснения вопроса о том, какая часть предметной области политической науки не допускает ценностные суждения и поддается лишь сущностному анализу, а какая необходимо предполагает этические и нравственные оценки. Для нас существеннее другое, а именно выяснение того, что в политической науке присутствуют теоретические аспекты, предполагающие анализ политических явлений, институтов через призму оценки. Отрывать политическую науку от аксиологических оснований означало бы освободить ее от выработки системы приоритетов, ориентаций в политическом мире.

Примечательно и то обстоятельство, что, рассматривая проблему оправданности насилия, Дмитриев и Залысин считают в конечном

счете приемлемым использование наряду с политическим критерием, совпадающим с эффективностью, другого критерия – нравственного, в аспекте соответствия его определенной системе нравственных ценностей. «Политический и моральный критерии допустимости насилия, на наш взгляд, тесно взаимосвязаны, – подчеркивают они, – чтобы быть эффективным, насилие в основном должно соответствовать нравственным установкам общества» [6, с. 188]. Дмитриев и Залысин вынуждены признать, что нравственная оценка политических действий, применение нравственных критериев к развитию политических процессов весьма существенно влияют не только на текущие политические события, но и во многом определяют перспективы разворачивания этих событий.

Названные авторы прибегают также к анализу историко-теоретических воззрений на проблему соотношения насилия и морали, пространный анализ дегуманизирующего влияния насилия на личность с точки зрения общечеловеческих нравственных ценностей, т. е. исходят из допущения возможности применения тех самых нормативно-оценочных аспектов, от которых отмежевались в случае «физического» определения насилия.

Во-вторых, сведение сущности насилия к физическому принуждению является, на наш взгляд, не чем иным, как попыткой дать политическим процессам натуралистическую интерпретацию. Известно, что наиболее характерным примером натуралистического подхода к насилию является позиция австрийского биолога и философа – основателя «эволюционной эпистемологии» – Конрада Лоренца. В знаменитом сочинении «Агрессия (так называемое Зло)» Лоренц в целостную и органическую ткань суждений о дегуманизации современной жизни включает общетеоретические послышки относительно влияния закономерностей естественного отбора на характеристики мыслительного аппарата людей и разнообразные проявления их поведения, в том числе и агрессивного. Но если австрийский мыслитель в своих рассуждениях о том, что эмоции и поступки человека обусловлены генетически закрепленной программой, идет от субъекта насилия к самому насилию и его результатам, то сторонники толкования насилия как физического принуждения в обосновании натурализации политических явлений идут от результатов насилия к самому насилию и, наконец, к объекту. В случае обоснования положения о том, что главной результирующей насилия является не что иное, как физическое воздействие на индивида (его телесная оболочка, его природа), ес-

тественна и закономерна оценка насилия не как социального явления, а как отношения, в основе которого лежат биологические механизмы (к такому выводу приводит соблюдение элементарных правил логики).

Бесспорно то обстоятельство, что насилие может затрагивать духовную и психологическую структуру личности. Духовное и идеологическое влияние, массированное воздействие через пропаганду, средства массовой информации, а также страх, эмоции, чувства, вызываемые применением насилия, оказываются столь же мощными регуляторами политического поведения человека, как и угроза прямой физической расправы. Физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъектам с целью овладения властью, имеет своей целью не только воздействие на их тела (очевидна абсурдность подобного допущения), но прежде всего на их сознание с целью принятия условий тех участников политического процесса, которые непосредственно осуществляют насилие. Нельзя не согласиться с известным исследователем проблем политической философии Б.Г. Капустиным, который пишет о том, что «человек может подвергнуться такому словесному оскорблению, не оставляющему ни малейших синяков и царапин, что будет принужден к действиям, которые он никогда не совершил бы по доброй воле, – от дуэли до самоубийства. В таких случаях мы не имеем ни тени физического насилия, зато имеем примеры самого страшного принуждения воли» [7, с. 285]. И хотя сторонники данного подхода пытаются провести различие между физическим принуждением и пониманием насилия как применением физической силы, тем не менее предложенное ими определение не обладает признаками необходимости и достаточности.

Второй наиболее распространенный подход в обосновании насилия исходит из его предельно объемного толкования. Расширительная трактовка насилия лишает это понятие предмета, качественной определенности, того, что составляет его содержательную специфику. Представленное в сформулированном контексте толкование насилия отождествляется с тем, что воплощает какие-либо препятствия и противоречия развертывания деятельности. Любое преодоление трудностей и моментов недобровольности осуществления чего-либо, неблагоприятных факторов социально-исторической среды рассматривается в таком контексте как преодоление насилия.

Применительно к политической сфере расширительное толкование связано с признани-

ем того, что любое действие, в котором нет эксплицитного выражения сотрудничества, согласия, взаимопонимания, является насилием. Насилие отождествляется вообще с тем, что «препятствует и подавляет», отражает весь спектр «политических давлений». Определение насилия идет в данном случае по пути выявления как можно более широкого перечня признаков (вред, ущерб, подавление, угнетение, господство, диктат, беззаконие и т. д.), соотносимого с насилием, что само по себе является достаточно неразрешимой задачей, ибо охватить всю целостность признаков невозможно и с теоретической точки зрения такая исследовательская линия уводит в бесконечность.

Впрочем, представленное толкование насилия весьма традиционно для политико-философской литературы. Так, в одном из западных исследований насилие определяется в качестве «любой силы, примененной к индивиду или группе и вынуждающей их соглашаться или действовать вопреки воле этого индивида или группы» [7, с. 290]. Другая редакция расширительного толкования насилия гласит: насилие – это «любое ограничение фундаментальных прав человека. Эти нарушения могут быть социальными, экономическими, моральными и политическими» [7, с. 290]. Аналогичные всеобъемлющие определения насилия можно встретить и у отечественных исследователей. В энциклопедическом словаре «Политология» дается следующее определение политического насилия: «Насилие понимается как государственное насилие и насилие в прямом смысле слова. Насилие в первом значении – государственная власть, опирающаяся на право и ограниченная правом. Второе толкование охватывает модус действия, направленного на намеренное нанесение ущерба субъектам действия или вещам либо на уничтожение последних» [8, с. 191].

Не соглашаясь ни с узким, ни с широким определением насилия, полагаем целесообразным соотнести его с понятием, которое, на наш взгляд, отражает специфику политики как социального института.

Утверждая, что нежелательное физическое воздействие не является необходимым признаком политического насилия, считаем возможным вывести его определение на более широкий уровень. В то же время эта широта не может быть беспредельной: ограничителями ее выступают власть и властные отношения. Политическое насилие – это применение соответствующих природе политики средств с целью завоевания, удержания, использования государственной власти. Мы полагаем, что обобщенным, корневым по-

нятием могло бы быть понятие «принуждение», которое, безусловно, включает в себя физическое принуждение, но отнюдь не исчерпывается им, ибо предполагает экономические, политические, духовно-нравственные, идеологические, психологические проявления.

Директивно-принудительный аспект является ведущей характеристикой власти. Принуждение индивидов к поддержанию нормального функционирования социального организма и соблюдению законов является необходимым элементом организации. Через механизмы принуждения осуществляется контроль за поведением всех действующих лиц политического процесса и регулирование отношений как между индивидами, так и обществом и государственно-политическими институтами. Принуждением в представленном контексте выступает не что иное, как навязывание субъектом власти своей воли участникам политического процесса. Поэтому принуждение есть отношение, выражающее реальное доминирование. Принуждение означает способность субъекта власти проявлять свободу действий согласно своим целям и своей воле, что в отношении подчиненных лиц создает определенную систему ограничений.

Власть как принуждение к исполнению воли приказывающего отражает одну из основополагающих сторон властных отношений, но далеко не исчерпывает их. Наряду с директивно-принудительным аспектом власти и властных отношений необходимо выделить функциональный аспект, т. е. способность власти практически реализовать функцию общественного управления, внести рациональную организацию в политические процессы. Политика как сфера социальной деятельности соотносится с иерархической системой власти, которая призвана обеспечить в обществе гражданский порядок на основе четкого осуществления регулирующих функций. И, наконец, коммуникативный аспект завершает экспликацию универсалистской природы власти: власть интегрирует участников политического процесса в единое целое, способствует согласованию различных интересов в обществе, в определенном смысле нивелирует, сглаживает позиции противоборствующих сторон.

Поскольку принуждение как институт является предикатом власти и насилия, постольку неизбежно возникает вопрос о разграничении указанных феноменов. Если толковать власть в веберовском смысле, то проблема разведения власти и насилия отпадает сама собой, ибо они признаются субстанциями, полностью совпадающими друг с другом. «Политика, –

писал Вебер, – оперирует при помощи весьма специфического средства – власти, за которой стоит насилие» [9, с. 694].

Действительно, в современных политических отношениях приходится довольно часто наблюдать акты насилия, причем на различных уровнях развития властных отношений: на уровне овладения властью и ее использования, применения и защиты. Поскольку насилие способно очень быстро лишить человека высших ценностей (жизни, свободы и материальных благ), может осуществляться систематически, организовано и приводит к желаемому результату, постольку власть нередко прибегает к использованию данного средства. Насилие может выступать средством: 1) поддержания политической стабильности и порядка в обществе; 2) устранения и устрашения политических противников и оппозиции; 3) подавления разрушительных проявлений политической активности или, наоборот, мобилизации тех или иных форм деятельности; 4) достижения экономических, политических, идеологических целей и т. д. В этом контексте вполне уместна постановка вопроса об эффективности политического насилия.

С другой стороны, действительность политического насилия носит ограниченный характер, отсюда и интенция к аналитике вопроса о так называемой «цене насилия». Роль политического насилия как способа поддержания политической стабильности носит временный и относительный характер, ибо в конечном счете приводит к отчуждению акторов политического процесса друг от друга. Долговременная стабильность может базироваться только на интеграции людей в многообразных формах, укреплении целостности общественной жизни. Насилие относится к числу весьма дорогостоящих средств власти, поскольку сопровождается людскими потерями, уничтожением материальных и духовных ценностей, дегуманизацией межличностных отношений. Конфронтационность и эскалационный характер насилия могут создать не только серьезные препятствия для развития общества, но и привести к «точке невозвращения» (Ф. Фанон) – крушению политической организации и общественной системы в целом.

Вот почему для современной политической науки все более характерной становится точка зрения, которая исходит из критики положения об атрибутивной роли насилия для власти. Так, Арендт отмечает оппозицию власти и насилия, вытекающую из качественной разнородности указанных явлений. Она подвергает критике все попытки вывести анализ властных отношений

из насилия и возвести подобный анализ в ранг универсального объяснительного принципа. Арендт разграничивает власть и насилие по различным основаниям: 1) по направленности – насилие бесчеловечно и разрушительно, власть конструктивна и созидательна. «Насилие всегда может разрушить власть... Чего никогда не способно породить насилие – так это власти» [1, с. 333]; 2) по технологии осуществления – «предельным проявлением власти является противостояние всех одному, предельным проявлением насилия является противостояние одного всем» [1, с. 320]; 3) по соотношению цели и средств – «насилие по своей природе есть не более как орудие, как всякое средство оно нуждается в наличии некоей направляющей цели, служащей к тому же его оправданием. Власть же есть нечто такое, что существует до осуществления каких бы то ни было целей и независимо от них» [1, с. 330].

Признавая присутствие насилия в реальной политике, Арендт приходит к пониманию того, что только на путях свертывания его возможно развитие творческого потенциала политики. «Суть всякого правления составляет власть, а отнюдь не насилие» [1, с. 330]. Вот почему Арендт так детально прорабатывает вопрос о легитимности власти как особом состоянии политических отношений, для которого характерны поддержка и признание политического режима управляемыми индивидами.

Таким образом, исходя из предыдущих рассуждений о сложной природе власти, мы склонны отличать как насилие от власти, так и насилие, как метод принуждения от принуждения в целом. Насилие не исчерпывает содержания принуждения и фиксирует, на наш взгляд, лишь его особое качество, характеризующееся чрезвычайной интенсивностью, жестокостью, крайностью применяемых мер, прямым и грубым ограничением свободы политических агентов.

Насилие – это особая квинтэссенция характеристик, присущих принуждению. Принуждение отражает сложный характер властеотношений, разнообразие их проявлений и соответственно многофункциональность. Принуждение как политический порядок, при котором одни командуют, а другие подчиняются, вполне может осуществляться также в русле демократического процесса, и поэтому его методами могут выступать авторитет, стимулирование, право. Подлинно демократический политический режим создает механизмы для реального ограничения роли насилия в политической жизни, а также гибкого применения различных средств достижения целей в политике.

С позиций теоретической политологии вызывает определенный интерес исследовательская линия, связанная с определением явления, выступающего антиподом насилию. Привычные интерпретации предполагают антитезой насилию ненасилие. Этот подход настолько характерен для публицистики и научной литературы, что не нуждается даже в специальной аргументации.

Между тем в отношении традиционных подходов необходимо, на наш взгляд, сделать определенные уточнения. Дело в том, что насилие – это явление, которое может быть рассмотрено в двух аспектах: политическом и нравственном. Характерными политическими ракурсами являются: определение специфики насилия как политического средства, соотношение насилия с другими способами достижения целей (стимулирование, авторитет, право), «цена» насилия, политический режим и насилие, политические возможности насилия, его эффективность и др. В то же время насилие относится к тем явлениям политики, которые подвергаются анализу с точки зрения их нравственной оправданности. В этом ключе вполне обоснованно обсуждение таких проблем, как соотношение насилия с общечеловеческими ценностями, дегуманизирующее воздействие насилия на сознание и поведение людей, насилие и моральная ответственность, условия оправданности насилия и мораль и др. Причем политический аспект когнитивного реконструирования смысла понятие «насилие» является ведущим, ибо, будучи атрибутивно связано с политической сферой общественной жизни, властью и властными отношениями, насилие не может не интерпретироваться прежде всего в русле политически окрашенной проблематики.

Что же касается принципов ненасилия, то здесь прослеживается несколько иная акцентировка, несколько иные содержательные смыслы. Ненасилие – это прежде всего культурно-мировоззренческая и этическая парадигма. Основные нравственные принципы, культивируемые философией и этикой ненасилия, – милосердие, терпимость, взаимопонимание, сочувствие, соучастие. Практически-политическая оппозиция насилию даже в ненасильственных формах его проявления здесь вторична. Не случайно виднейшие представители ненасилия – Л.Н. Толстой, М.Л. Кинг, Дж. Шарп в своих рассуждениях о человеке как высшей ценности мира исходили из заповедей христианства. У М. Ганди идеи ненасилия выступают ориентирами общественно-политического движения. Но программные и целевые установки его целиком

определяются идеей Ахимсы (буквально: непричинение боли и вреда) – всеобъемлющей нравственной категорией, которая во многом определяет проявления Сатьяграхи (буквально: упорство в истине) – несотрудничества и гражданского неповиновения. Способность пересиливать насилие является для Ганди «моральным эквивалентом войны».

Таким образом, складывается довольно интересная ситуация, в рамках которой дихотомичными выступают понятия, принципы, подходы, имеющие различные основания: в первом случае преимущественно политические, во втором – нравственные. Попытка выйти за рамки сложившейся ситуации предопределила обозначившееся в исследовательской литературе стремление соотнести насилие с какими-то другими феноменами. Так, цитировавшийся нами ранее Б.Г. Капустин говорит об оппозиции разума и насилия. Причем разум у него и есть то «нравственное законодательство, которое исключает насилие» [8, с. 279]. Таким образом, разум как антитеза насилию означает не что иное, как использование насилия только в разумных, нравственно оправданных целях. И все же предлагаемый разум отнюдь не является решением проблемы. Это обстоятельство подметил В.М. Межуев, который, полемизируя с Капустиным, задается вопросом «что понимать под разумом?» и дает на него ответ: «если он – лишь знание механизмов политической деятельности, то тогда его вполне можно совместить с насилием» [10, с. 106]. Действительно, разум, синонимичный знанию, способен в равной мере служить как утверждению ценностей справедливости, независимости, свободы, так и власти, понимаемой как господство над другими людьми. Предлагаемая Капустиным идея весьма родственна воззрениям эпохи Просвещения, которые исходили из решающей роли знания и особенно познания естественного порядка вещей (т. е. порядка, соответствующего подлинным, неиспорченным знаниям) для исправления социальных отношений. Кстати, именно эта позиция создала предпосылки для критики самого разума, т. е. ограничения чрезмерного оптимизма.

Безусловно заслуживающей внимания представляется нам позиция В.М. Межуева, обозначенная в полемически заостренной статье «Насилие и свобода в политическом контексте». Межуев противопоставляет насилию свободу. Именно свобода, по мысли автора, возвысила человека над природной и всякой другой внешней, в том числе и политической зависимостью. Политическое насилие есть подавление, ущемление свободы граждан, принадлежащих к данному сообществу. «Власть, – подчеркивает Межуев, – воспринимается как насильственная в той мере, в какой она принуждает человека действовать вопреки его воле и желаниям» [10, с. 105]. В интерпретации Межуева свобода выполняет многообразные функции: устанавливает пределы насилию, ограничивает произвол властей; лежит в основе политической типологии власти, объяснительного принципа перехода от одной формы правления к другой, логики их эволюции; включает человека в политику, помогает «обрести» ее.

Таким образом, в исследовательской литературе вполне определенно обозначилась весьма продуктивная, на наш взгляд, тенденция на соотношение насилия (в русле безусловной антитезы) с политическими ценностями. Ибо свобода, как, впрочем, и другие ценности, такие, как толерантность, терпимость, согласие, ненасилие (взятое в политическом ракурсе), являются не чем иным, как идеями, представлениями, установками, стереотипами, определяющими целеполагание и ориентации деятельности. Названные ценности могут стать мощным интеграционным фактором объединения политического сообщества через предотвращение дезинтеграционных, конфликтных, разрушительных тенденций, через отбор приемлемых и блокирование неприемлемых целей и методов деятельности, через воздействие на сознание акторов политического процесса посредством формирования мотивационного ядра их деятельности. Поэтому антитеза «насилие – политические ценности» представляется нам вполне продуктивной, открывающей новые теоретические и практически-политические аспекты развития исследований.

Список использованной литературы:

1. Х. Арндт. О насилии // Мораль в политике (хрестоматия). М.: Изд-во МГУ, 2004.
2. Arendt H. On Revolution. N.Y.: Viking, 1963.
3. Oxford Universal English Dictionary / Prepared by W Little et al. Oxford: Oxford University Press, 1937. Vol. X.
4. Keane J. Reflections on Violence. L.; N.Y.: Verso, 1996.
5. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004, № 4.
6. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: Росспэн, 2000.
7. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во МГУ, 2004.
8. Политология. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993.
9. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
10. Межуев В.М. Насилие и свобода в политическом контексте, // Полис, 2004, №3.